

Таша родилась в пятнадцатом году. Маленькая кнопочка — свидетельство последней радости родителей перед уходом отца на германский фронт. Она лежала, завернутая в простыни, на большой материнской кровати. Мама Ташина, Анна Свирская, в недалеком прошлом гордая красавица, находилась в свободном полете. То увлекалась пением или живописью, то писала пьесы для театра, а то служила в каком-то заведении, перебирая никому ненужные бумаги.

Еще у Таши есть сестра Валерия, девочка четырех лет, которой мама несказанно гордится. И есть чем гордиться: белокурые волосы обрамляют тонкое одухотворенное лицо, на котором сияют, словно звезды, синие глаза, смотрящие на мир необыкновенно внимательно. Эта девочка кажется много старше своих лет, будто все понимает и многое знает. Когда мать берет ее в театр на репетиции, Лера, так все ее называют, сидит тихо, не шевелясь, пытаясь понять сложные трагедии, разыгрываемые на сцене. Когда же Анну охватывает литературная лихорадка, то первым слушателем становится опять же Валерия. Со дня Лериного рождения мать и дочь стали подругами и вместе лелеют в себе одно и то же чувство любви к отцу. Вместе ожидают его возвращения.

Таша отца не видела: он сражается на далеком фронте. Первые месяцы жизни девочка лежала на кровати, мешая матери заниматься творчеством, а сестре наслаждаться положением единственной материнской любимицы. Впрочем, тогда Таша об этом не задумывалась. Главное, чтобы сухо было и вовремя текло вкусное молоко. Сухо бывало не всегда, поскольку маме постоянно некогда, а молоко тоже скоро закончилось, и Таша пила из соски какую-то бурду.

Когда малышка научилась ползать, ей, конечно, захотелось все внимательно рассмотреть и попробовать на язык. Это оказалось опасным, и мама стала привязывать дочку к кровати, тем самым сокращая свободное пространство для изучения мира. Таша горько плакала, не понимая, почему мама не замечает, что она тоже хочет стать такой же всезнающей, как сестра. Все познать и понять — разве это дело только для четырехлетних? У нее тоже есть такая потребность. А потребности вредно ограничивать.

Часто мама уходила надолго из дома, забирая с собой Леру, а Ташу оставляла привязанной к кровати. Нет, девочка не обижалась, она

---

* Отрывок из романа «Девять жизней». — М.: Издательство «Авторская книга», 2012.

понимала: маме трудно нести ребенка на руках, завернутого в тяжелое одеяло — единственное в доме, поскольку все остальное благополучно продано или пущено в прожорливую буржуйку.

Однажды Таша встала на ноги. Какое это счастье — увидеть дом с высоты своего роста, пусть и небольшого! Она даже сделала пару шагов, цепляясь за кровать, и упала, больно ударившись. Плакала сильно, чтобы мама услышала и прибежала. А мама не появилась. Когда же она пришла, Таша уже уснула, уставшая от обиды и слез. Труд оказался непосильный — докликаться родных.

Иногда к маме приходили актеры. Особенно Таше нравилась веселая и добрая Полина. Та подхватывала маленькую девочку, целовала ее, прижимала к себе. Таше становилось тепло и уютно, и ей хотелось, чтобы добрая тетя подольше с ней посидела. Тут входила мама и говорила:

— Не балуй мне ребенка. Она должна быть самостоятельной. В наши дни иначе не выжить.

— Ну что ты такая сердитая, Аня? Девочке любовь нужна. Посмотри, как тянет она ручки ко мне.

— Ты уйдешь, а я что буду делать, если дочери любви станут требовать? Мне их кормить надо, а ласкать некогда.

Таша соглашалась с мамой сразу: кормить, в самом деле, надо, только жаль, что Леру она иногда целует, и шепчется с ней, и стихи ее учит читать. А Таше, еще не умеющей говорить, не скажет ни полсловечка, и всегда торопится. Торопится накормить, торопится искупать, торопится спать уложить. Очень трудно расти ребенку, если мама постоянно спешит по важным делам.

Потом произошли какие-то непонятные события, о которых возмущенно говорили взрослые. Странное и трудно произносимое слово «революция» возникало у всех на губах. Очень симпатичное слово «вэчека», напоминавшее какого-то бычка, почему-то пугало маму. Короткое слово «советы» вызывало удивление: они постоянно создавались и за что-то боролись. Это было время, когда Таша упрямо пыталась начать говорить. И говорить ей хотелось свободно и легко, как говорила Лера. Маме нравились слова и образы, создаваемые старшей дочерью.

— Мамочка, какое ненастье наступило! Мы потонем в потоке безобразий,— назидательным тоном говорила Лера, глядя на мать умным, не по возрасту, лицом.

Сестра и вправду была очень умной, хотя и неправильно вставляла в свою речь отдельные слова, но Таша не додумалась бы так значительно сказать.

— Каких безобразий, Лерочка?

— Все говорят об убийствах и расстрелах.

— Где ты такого наслушалась? Нельзя маленьким девочкам о таком говорить.

— Твои друзья так говорят. Мамочка, а что такое убийства и расстрелы?

Если бы Таша могла так говорить, то обязательно бы рассказала. Она ведь тоже слушает маминых друзей. Им кажется, что она ничего не понимает, а она все понимает. Знает она, что убийства и расстрелы — это очень плохо, потому что люди, живущие вокруг, пропадают. Был человек, и нет его. Знает и про то, что папа стал белым. Непонятно, как ему это удалось. Вот у Леры белые волосы, а у мамы белая кофточка, простыни тоже белые, но чтобы папа стал белым — это непонятно. Да и где ее папа?

Если война закончилась, ему пора вернуться, увидеть Ташу и полюбить ее. Она ведь его любит всем своим маленьким сердцем. С упоением слушает мамины рассказы о том, как они с папой познакомились, как подарил он ей дивный браслет, а потом сделал предложение. Как поженились они и вместе ждали, когда Лера появится на свет. Папа бережно ухаживал за мамой, и трогательно ухаживал за Лерой. Он бы и за Ташей ухаживал, да ушел на войну.

Зачем взрослые люди придумали войну? Разве мало беды вокруг? Есть болезни и смерти, есть голод и холод. Зачем же нужно такое испытание, чтобы папа не видел родившейся дочки, а мама плакала по ночам, переживая, что не в силах одна растить дочерей? Страшные слова и страшные события понимались Ташей и отражались в ее взгляде.

— Аня,— говорила Полина,— гляди, какой у Таши взгляд: он такой глубокий. Что знает эта девочка?

— Что она знает? Голод она знает. Мне детей кормить нечем. Вчера достала по случаю мороженую картошку. Гадость несусветная. А молоко? Ты знаешь, сколько стоит молоко? Все, что было в доме, я выменяла на еду.

— Давай я отвезу малышку к родным в Калугу. Они ее подкормят.

— Ну что ты говоришь, Полина? Разве можно сейчас расставаться? Может, Костя вернется? Хоть бы на часок заехал.

— И попадет в ЧК?

— И то правда. Он где-то на Дону, и если в ЧК дознаются, представляю, что с нами будет.

— Что же они с детьми воевать станут?

— Расстреляли же царских детей.

— То совсем другое дело. Те дети — наследники престола, а твои что наследуют? Мать — певица, по совместительству писательница.

— Нет, я по совместительству газето- и письмочитательница. Це-

лыми днями провожу в конторе и не вижу в этом смысла. Правда, иногда дают какие-то продукты. Только на них не проживешь.

Однажды мама узнала, что в нескольких километрах от Москвы есть детский дом для безродных и безотцовских детей. Она отвезла туда Леру и Ташу, надеясь, что там девочки переживут голодную зиму. Бедная мама! Она не знала, что женщины, работавшие в детском доме, тоже есть хотят, и у них есть свои дети, потому продукты, выделявшиеся советской властью на детдомовцев, делились на многие-многие части. Лишь крохи доходили до обитателей дома. Голод, болезнь и смерти преследовали детей.

Таша и Лера заболели спустя месяц. Сестры лежали в полутемной комнате. Добрая тетя приносила им пить. Лера в бреду звала мамочку, а Таша говорить не могла, не хватало сил. Она вообще не говорила, словно разучилась. Ее здесь так и звали: «немая».

Жар палил Ташу изнутри, кожа прилипала к костям и, казалось, что от этого жара кожа вообще с костей слезет. Иногда девочка пропадала в забытьи: сплошная темень окутывала ее, и ничего не было. Не было мамы и Леры, не было папы, не было детского дома и воспитательниц. Когда же Таша возвращалась назад, то первой ее мыслью было позвать мамочку.

Если бы мама знала, в каком горе живут дочери, то обязательно приехала бы. Но мама выживала где-то в Москве. Если бы папа знал, как ждет его Таша, как смотрит на каждого мужчину с вопросом: «Ты мой папа?». Он бы вырвался издалека, примчался бы к дочке, взял бы ее на руки и сказал бы: «Ташенька, девочка моя, я так к тебе спешил!». Он бы вывез их с сестрой отсюда, и дал бы им вкусного молока и по ломтю хлеба. Он одел бы их в теплые одежды. И жар бы у девочек спал, и болезнь бы отступила, испугавшись маму и папу. Только мама не знала, как плохо дочкам, а папа не мог вырваться от своих белых людей.

В серое мартовское утро Лера проснулась и почувствовала, что болезнь испугалась и сбежала от нее. Она выбралась из кровати и подошла к сестренке. Та смотрела расширенными глазами, словно спрашивала: «За что?». Лера погладила Ташу, сестренка показалась ей слишком холодной. Тогда она вышла из комнаты, прошла по коридору и позвала тетю Зою, спавшую в углу на лавке. Тетя Зоя пошла вместе с ней к Таше, у ее кровати охнула и накрыла девочку простыней по самые вихры, торчащие на затылке.

— Пойдем отсюда, деточка. Тебе надо в другую палату перебраться.

— А как же Таша? Я без нее не пойду.

— Ты не нужна ей больше. Умерла она.

Взрослая девочка Валерия поняла: теперь они остались с мамой

одни, и будут вдвоем ждать папу.

Вскоре за дочками приехала мама. Ее встретила одна Лера. Таша выбрала свой путь. Недалеко от детского дома возвышались холмики, под одним из них покоилась четырехлетняя девочка, так и не понявшая, зачем пришла она в земной мир.